

Н. Э. Юферева

ДРЕВНЕРУССКИЙ ИЛЛЮСТРАТОР ЖИТИЙ СВЯТЫХ

НЕТЕКСТОВАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Наталья Юферева

**Древнерусский
иллюстратор житий святых.
Нетекстовая текстология**

«ПСТГУ»

2015

УДК 80+27-526.62
ББК 83+86.372

Юферева Н. Э.

Древнерусский иллюстратор житий святых. Нетекстовая
текстология / Н. Э. Юферева — «ПСТГУ», 2015

ISBN 978-5-7429-0987-3

Издание «Древнерусский иллюстратор житий святых. Нетекстовая текстология» является комплексным междисциплинарным исследованием: к изобразительному материалу (древнерусской книжной иллюстрации) применен литературоведческий подход, а также использованы методы текстологического анализа. Книга, несомненно, заинтересует и искусствоведов, и филологов, и культурологов. Практическую значимость она может иметь и для современных иконописцев, так как в ней раскрываются многие приемы древнерусских художников, которые до сих пор не были описаны и систематизированы. Книга снабжена большим количеством комментированных цветных иллюстраций. Она рассчитана не только на специалистов, но и на широкий круг читателей, интересующихся древнерусской православной культурой. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 80+27-526.62
ББК 83+86.372

ISBN 978-5-7429-0987-3

© Юферева Н. Э., 2015
© ПСТГУ, 2015

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Глава 1	17
§ 1. Принципы композиционного построения в тексте и миниатюрах	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Наталья Эдуардовна Юферева

Древнерусский иллюстратор житий святых. Нетекстовая текстология

Посвящается моим родителям Эдуарду Эдуардовичу и Елене Владимировне Ивковым

© Юферева Н. Э., 2015

© Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2015

Предисловие

Книга Н. Э. Юферевой «Древнерусский иллюстратор житий святых. Нетекстовая текстология» посвящена проблеме взаимодействия двух различных языков средневекового искусства – литературного и изобразительного. Она представляет собой комплексное междисциплинарное исследование иллюстрированных рукописей житийных памятников XVI–XVIII вв. и в этом отношении носит новаторский характер. Обычно исследователи обращаются к средневековой книжной миниатюре преимущественно с искусствоведческо-иконографической точки зрения, вне литературного анализа иллюстрируемых текстов. Автор настоящей монографии прочитывает заново ряд житийных памятников средневековой Руси, реализуя известную формулу Д. С. Лихачева «рассказываемое зримо, зримое рассказывает». Лицевые, то есть иллюстрированные списки житий рассматриваются автором монографии как особая, «лицевая», редакция произведения. Такие списки житий создавались не просто «для красоты», а как некий новый вариант уже известного текста. Изучение типов изменения этого литературного текста в миниатюрах, выявление приемов, сходных с приемом «художественного абстрагирования» (термин Д. С. Лихачева), подход к средневековому литературному тексту как временному, а к изображению как к пространственному способу иллюстрирования, – все это позволяет автору показать и доказать синкретизм древней литературы и книжной миниатюры, что объясняется средневековым видением мира, то есть, единой образной системой и единой топикой. Н. Э. Юферева применяет оригинальную методику многоуровневого анализа слова и изображения, при помощи которой ею разработаны основы поэтики древнерусской миниатюры. Изображения описываемых в житиях событий выполняли не только иллюстративную функцию, но были также способом интерпретации, комментирования литературного текста, расширением его смыслового поля. Автором показано, что акцент на духовной стороне событий в более древних списках сменился ближе к XVIII в. подробной разработкой бытовой и обрядовой стороны событий, низведением житийного повествования до жанровых сцен. В круге иллюстрированных житийных списков Н. Э. Юферевой удалось увидеть единый словесно-изобразительный текст, своего рода стилистическую симметрию, более высокую и сложную целостность, которая потребовала качественно нового уровня ее восприятия и изучения.

М. В. Рождественская, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ

О. Б. Сокурова, кандидат искусствоведения, доктор культурологии, доцент кафедры западноевропейской и русской культуры исторического факультета СПбГУ

Введение

Книга с иллюстрациями обычно привлекает внимание любого читателя, представляет для него особую ценность и интерес. Дело в том, что зрительные образы добавляют нечто новое к восприятию прочитанного текста. А если эта книга – древняя и ее иллюстрации делал художник, вписанный совсем в другую, отличную от нашей современной культуру?.. Древнерусская иллюстрированная или, как называли ее в Древней Руси и называют теперь специалисты¹, *лицевая* книга представляет собой то особое культурное явление, которое позволяет одновременно изучать текст и его восприятие *древнерусскими* читателями, воплощенное в иллюстрациях современников. При этом иллюстрации, как и текст, требуют своего *прочтения*, и для раскрытия их смысла необходимо найти «ключ» как в иллюстрируемом ими тексте, так и в художественных приемах древнерусских художников-миниатюристов.

Впервые проблема взаимосвязи литературы и живописи Древней Руси была выдвинута Ф. И. Буслаевым² еще в 60-х гг. XIX в. Мысль о глубинной соотнесенности отечественной средневековой литературы и изобразительного искусства красной нитью проходит во многих трудах академика Д. С. Лихачева³. Эта проблематика стала новым направлением в области исследования древнерусской иллюстрированной книги. С 60-х гг. XX в. и вплоть до начала XXI в. внимание многих исследователей направляется на проблемы соотношения текста и иллюстраций, закономерностей изображения, отражения мировоззрения древнерусских авторов в иконописи и книжной миниатюре и т. д. Но до сих пор нет обобщающего научного труда, в котором излагались бы общие принципы *языка древнерусской книжной иллюстрации*, где бы определялась роль иллюстратора в истории литературного произведения. Такая цель предполагает комплексное исследование *целого круга памятников, проведенное по одним параметрам и по одной методике*. Мы надеемся, что предлагаемый вниманию читателя научный труд станет очередным шагом к этой цели.

В последние десятилетия в области изучения изобразительного искусства Древней Руси, и прежде всего книжной миниатюры, наблюдается тесная *связь с литературоведением*, которое выдвинуло ряд общих тем, а следовательно, и общих подходов к исследуемому материалу. Общность подходов к источникам, относящимся к разным гуманитарным областям – в данном случае к литературе и изобразительному искусству, – определяет собой *семиотический метод их изучения*. Как известно, он предполагает применение идей и методов описания объектов одной гуманитарной сферы для анализа и описания объектов другой гуманитарной сферы. Средневековая лицевая рукопись является идеальным семиотическим объектом⁴, так как при проведении комплексного изучения лицевой рукописи исследователь сталкивается с тем, что одна и та же информация сообщается дважды: в словесной форме и в изобразительной.

¹ К древнерусской книжной миниатюре обращались специалисты самых разных областей гуманитарной науки: искусствоведы, историки, источниковеды, литературоведы и др. В монографии В. Д. Черного (*Черный В. Д. Русская средневековая книжная миниатюра: Направления, проблемы и методы изучения*. М., 2004) подробным образом изложена история изучения древнерусских лицевых рукописей с середины XIX до начала XXI вв.

² См., например: *Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства*. СПб., 1861. Т. 1; *Он же*. Общие понятия о русской иконописи: Сборник древнерусского искусства. М., 1866; *Он же*. Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001 – и др.

³ *Лихачев Д. С. Сравнительное изучение литературы и искусства Древней Руси* // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 3 – 10; *Он же*. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970; *Он же*. Развитие русской литературы X–XVIII вв. Эпохи и стили. Л., 1973; *Он же*. Поэтика Древнерусской литературы. М., 1979. С. 22–54; *Он же*. Текстология. Изд. 3-е. СПб., 2001. С. 426–430.

⁴ «Семиотика заинтересована не только в разных кодах, но и в различного рода межкодовых переходах. Семиотическая проблематика становится особо явственной в случае столкновения кодов. ...Разные сообщения на разных кодах не могут вступать в конфликт, в отличие от одного и того же сообщения на разных языках (кодах)» (*Почепцов Г. Г. Русская семиотика: идеи и методы, персоналии, история*. М., 2001. С. 382).

В целом в нашем исследовании мы обращаемся к главному принципу семиотического метода изучения, а именно – применяем к изобразительному материалу (циклу миниатюр) литературоведческий подход. То есть книжные иллюстрации мы рассматриваем как *текст* (в широком смысле этого слова).

Прежде чем приступить к комплексному исследованию, необходимо было сначала выделить *по определенным критериям* круг анализируемых памятников. Мы сформулировали эти критерии следующим образом.

Во-первых, материал исследования должен быть относительно *однородным* по своей тематике и содержанию, чтобы возможно было проводить сопоставление и систематизацию сходных явлений.

Во-вторых, это должны быть памятники одной культурной традиции (а именно – *древнерусского*, допетровского искусства), причем не столько по времени их создания, сколько по своей стилистике и художественным приемам.

В-третьих, *весь текст* произведения в его лицевом списке должен сопровождаться целым *циклом* иллюстрирующих его миниатюр, а не просто одним или несколькими изображениями.

В-четвертых, рассматриваемый материал должен представлять собой самостоятельное произведение, а не являться частью другого, более крупного произведения, отличного по своему жанру.

Наиболее изученными на данный момент являются *летописные* лицевые памятники Древней Руси, прежде всего – Лицевой летописный свод Ивана Грозного⁵. Следует, однако, подчеркнуть, что помимо них существует еще целый пласт лицевых памятников, отличных от летописи по жанру, которые еще ждут своего комплексного исследования. Мы имеем в виду жития святых в их иллюстрированных списках. Агиографические тексты, как и иллюстрирующие их миниатюры, выполняют в культурном контексте иные функции, нежели тексты и миниатюры исторические. Поэтому комплексное исследование иллюстрированных *агиографических* памятников заполнило бы сегодня определенную лакуну в отечественной медиевистике.

Среди житий святых для нашего исследования мы выделили жития русских преподобных – в соответствии с требованием первого из перечисленных критериев. Дело в том, что они отличаются одной из наиболее устойчивых систем топосов⁶ (то есть житийных формул), жития преподобных во многом схожи между собой, поэтому в них достаточно ярко выступают общие, типические черты.

Наивысшего развития древнерусские лицевые рукописи достигли во второй половине XVI – первой половине XVII вв., когда происходит расцвет книжной иллюстрации. В это время появляются первые известные нам лицевые списки житий русских преподобных и в рамках древнерусской эстетики разрабатываются принципы иллюстрирования таких произведений. К данному периоду относится создание лицевых списков житий таких русских преподобных, как Сергей Радонежский (рукопись конца XVI в.: РГБ, ф. 304/III, № 21), Зосима и Савватий Соло-

⁵ Комплексный подход к изучению миниатюр Лицевого свода применен в труде А. А. Амосова «Лицевой летописный свод Ивана Грозного» (Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. Ч. 3: Миниатюры Лицевого свода: история в образах. С. 224–303). Такой подход включил в себя рассуждения о принципах анализа миниатюр, о языке древнерусского художника, о технологии создания миниатюр и возможных источниках изображений, о сверткостовой информации в миниатюрах, о передаче в иллюстрациях пространственно-временных характеристик, об интерпретации изображения, а также о цвете в миниатюрах Свода и его символике. Из монографических работ, посвященных Лицевому своду, следует также назвать книгу В. В. Морозова (Морозов В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005. Гл. 5: Миниатюры Лицевого свода. С. 169–251), в которой рассуждения о языке миниатюриста, о жестах, цвете, об интерпретации и трактовке миниатюриста текста, об этикете и о функциях миниатюры также соответствуют проблеме комплексного исследования средневековой иллюстрированной книги.

⁶ См.: Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 431.

вещкие (два списка конца XVI в.: РГБ, собр. Егор., № 325; ГИМ, собр. Вахрамеева, № 71 и один начала XVII в.: РНБ, собр. Соловецкого монастыря, № 175/175), Антоний Сийский (рукопись 1648 г.: ГИМ, собр. Щукина, № 107/750), Варлаам Хутынский и Михаил Клопский в Новгородском житийном сборнике XVII в. (ИРЛИ РАН, собр. Каликина, № 35). Для означенного периода этот ряд лицевых списков житий русских преподобных является вполне репрезентативным для решения поставленных в работе задач.

Некоторые из перечисленных лицевых списков имеют более поздние повторения, созданные как их копии и вследствие этого относящиеся к древнерусской традиции иллюстрирования, несмотря на время своего создания. Такие списки также вошли в наше рассмотрение (список Жития Сергия Радонежского начала XVIII в.: РО БАН, П. I. А. 38; – и список Жития Антония Сийского XVIII в.: РО БАН, собр. Археол. ин-та, № 56). По этой причине хронологические рамки исследования несколько расширяются и их верхняя граница передвигается до XVIII в.

Познакомимся теперь с перечисленными рукописями более подробно.

Житие Сергия Радонежского рассматривается в книге в двух лицевых списках. Первый из них – это рукопись конца XVI в. из ризницы Троице-Сергиева монастыря, ныне хранящаяся в научно-исследовательском отделе Российской государственной библиотеки (РГБ, ф. 304/III, № 21). По месту его первоначального пребывания в нашей работе этот список носит название *Троицкий*.

Эта рукопись хорошо известна в научном мире во многом благодаря многочисленным воспроизведениям ее в печати⁷. Существует несколько ее научных описаний⁸, наиболее полное из которых содержится в статье И. В. Левочкина, сопровождающей современное факсимильное издание рукописи⁹.

Текст данного лицевого списка Жития Сергия Радонежского представляет собой свод разных текстов Жития с элементами ранней редакции труда Епифания Премудрого. Это так

⁷ В 1853 г. она была целиком издана литографическим способом (см.: Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия Радонежского Чудотворца: Литографическое издание. Троице-Сергиева лавра, 1853); часто публикуются ее отдельные миниатюры в качестве иллюстраций к тем или иным текстам. Так, в 1933 г. 25 миниатюр были опубликованы в альбоме М. Владимиров и Г. П. Георгиевского (*Владимиров М., Георгиевский Г. Древнерусская миниатюра. М., 1933*); около 30 миниатюр опубликовал архимандрит Иннокентий (Просвирин) в альбоме, посвященном истории Троице-Сергиевой лавры (см.: *Иннокентий (Просвирин), архим. Троице-Сергиева лавра. М., 1988*). Имеются и другие издания, в которых публиковались те или иные миниатюры. В 2002 г. было предпринято новое факсимильное издание всего лицевого списка, подготовленное сотрудниками Рукописного отдела Российской государственной библиотеки (см.: Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия Чудотворца. Написано Епифанием Премудрым: Факсимильное воспроизведение рукописной книги 1592 года. М., 2002. Кн. 1, 2). Оно представляет собой две книги, одна из которых – воспроизведение рукописи, а вторая содержит описание рукописи и перевод текста Жития Сергия на современный русский язык. Это издание сразу стало библиографической редкостью, так как выпущено в количестве 41 экземпляра. В 2010 г. книга была переиздана большим тиражом, и теперь она доступна специалистам (см.: Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия, Чудотворца, написанное Премудрейшим Епифанием. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2010. Кн. 1, 2).

⁸ Первое обстоятельное описание рукописных книг, хранящихся в ризнице Троице-Сергиевой лавры, и в частности Троицкого лицевого списка Жития Сергия Радонежского, было предпринято архимандритом Леонидом (Кавелиным) (см.: *Леонид (Кавелин), архим. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЧОИДР. 1880. Кн. 4. № 13. С. 34–35; № 14. С. 35–38; № 17. С. 41–44*). В этом описании даны самые общие сведения об особенностях текста, письма, инициалов, заставок и миниатюр рукописи. На художественной характеристике миниатюр и орнаментов лицевого списка сосредоточился в своей работе Ю. А. Олсуфьев (см.: *Олсуфьев Ю. А. Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой лавры. М., 1921. С. 66–67*). Однако его характеристики весьма лаконичны. Лаконичны они и в третьем описании книг Троице-Сергиева монастыря, выполненном Т. Б. Уховой (см.: *Ухова Т. Б. Миниатюры, орнамент и гравюры в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря и Московской духовной академии // Записки Отдела рукописей / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Вып. 22. М., 1960. С. 156–157*). К описанию непосредственно Троицкого списка Жития Сергия обращался И. В. Левочкин (см.: *Левочкин И. В. Об одной книге из ризницы Троице-Сергиевой лавры // Книжное дело. 1994; № 5 (11). С. 48–60*).

⁹ См.: *Левочкин И. В. Лицевое житие преподобного Сергия Радонежского // Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия Чудотворца: Факсимильное воспроизведение рукописной книги 1592 года. М., 2002. Кн. 2. С. 94 – 102.*

называемая Пространная редакция, возникшая в 1520-е гг.¹⁰ В тексте имеется 652 красочные миниатюры, которые *предваряют* иллюстрируемые ими фрагменты Жития, то есть читатель этой лицевой рукописи сначала видит изображение, а затем читает текст к нему. Отметим, что подобного количества миниатюр нет ни в одном другом иллюстрированном списке жития русского святого. К некоторым из них обращались в своих работах такие исследователи, как А. В. Арциховский¹¹, О. А. Белоброва¹², С. В. Сазонов¹³ и др. Комплексного же изучения всех миниатюр рукописи до сих пор не проводилось.

Все листы рукописи пронумерованы по нижним внешним углам буквами кириллического алфавита, однако № 144 проставлен дважды, на двух листах, поэтому после л. 144 нумерация сбивается. В верхних внешних углах карандашом выполнена поздняя («архивная») нумерация. В изданиях Троицкого списка нумерация листов разнится: в каждом экземпляре литографированного издания 1853 г. нумерация листов делается от руки, на листах факсимильного издания 2002 г. типографская нумерация также отсутствует, воспроизведена только рукописная нумерация славянскими цифрами. В связи с существующим разнообразием в обозначении листов Троицкого списка в нашей работе мы придерживаемся первоначальной рукописной нумерации.

Водяные знаки бумаги Троицкого списка относятся к периоду с 70-х гг. XVI в. и до первых лет XVII в.¹⁴ По заключению И. В. Левочкина, учитывавшего совокупность палеографических и исторических данных, рукопись можно датировать 1592 г.¹⁵

В конце XVII или в самом начале XVIII в. Троицкий список был скопирован. Миниатюры этого списка, выполненные по образцу миниатюр копируемого оригинала, соответствуют древнерусской традиции книжной иллюстрации. Эта рукопись в составе библиотеки Петра I хранится ныне в Рукописном отделе Библиотеки Российской академии наук (РО БАН, П. I. А. 38). Обозначим его в нашем исследовании как *Петровский список*. Следует, правда, отметить факт, установленный сотрудниками Рукописного отдела БАН М. Н. Мурзановой¹⁶ и И. Н. Лебедевой¹⁷, что эта рукописная книга принадлежала не Петру I, а его сестре Наталии Алексеевне, в описях имущества которой и фигурирует этот список.

В отличие от Троицкого, Петровский список содержит только 468 миниатюр¹⁸, его иллюстрирование не закончено: в конце рукописи оставлено немало пустых мест для предполагав-

¹⁰ См.: Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908; Zubov B. П. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб: К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского» // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 145–158; Мюллер Л. Особая редакция Жития Сергия Радонежского // Записки Отдела рукописей. М., 1973. Вып. 34. С. 71 – 100 (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина); Кloss Б. М. Жития Сергия и Никона Радонежских в русской письменности XV–XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Ч. 2. С. 271–296; Он же. Избранные труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. С. 160–223.

¹¹ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. Томск; Москва, 2004 (переизд. 1944). С. 251–277.

¹² Белоброва О. А. О лицевом списке Жития Сергия Радонежского в библиотеке Петра I // Белоброва О. А. Очерки русской художественной культуры XVI–XX веков. М., 2005. С. 243–256; Она же. О некоторых изображениях Епифания Премудрого в их литературных источниках // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 91 – 100.

¹³ Сазонов С. В. «Встреча со старцем» в Житии Сергия Радонежского // История и культура Ростовской земли. 1993. Ростов, 1994. С. 60–66.

¹⁴ См.: Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1. СПб., 1899. № 3223 (1570 г.), 3040 (1573 г.), 3042 (1574 г.), 3237 (1580 г.), 3051 (1602 г.).

¹⁵ См.: Левочкин И. В. Лицевое житие... С. 101.

¹⁶ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела БАН. М.; Л., 1956. Вып. 1. С. 267–381.

¹⁷ Лебедева И. Н. Библиотека царевны Наталии Алексеевны, русской образованной женщины начала XVIII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Российской академии наук. 1900. СПб., 1994. С. 240–253.

¹⁸ Сведения, данные в Описи книг собрания Петра I в 1956 г. (см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела БАН. М.; Л., 1956. Вып. I. XVIII век. С. 338) о том, что в Петровском списке 444 миниатюры, ошибочны. Эта ошибка выявлена нами в результате неоднократного пересчета иллюстраций рукописи.

шихся миниатюр. В начале Петровского списка миниатюры расположены *после* иллюстрируемого ими текста, а после л. 142 об. они *предваряют* текст.

Зависимость миниатюр Петровского списка от Троицкого несомненна, это отмечали такие исследователи, как И. Э. Грабарь¹⁹, В. Д. Кузьмина²⁰. Наиболее подробное исследование Петровского списка и его сопоставление с Троицким списком проведены О. А. Белобровой²¹, которая отмечает совпадение формата обеих рукописей (в лист), их внешнего вида (похожие переплеты), а также редакций текста Жития. Выявляя и анализируя их различия, сопоставляя создание Петровского списка с историческими событиями этого времени, О. А. Белоброва приходит к предположению «о заказе копии лицевого Жития Сергия Радонежского “в поднос” царским особам (семье Петра I. – Н. Ю.) именно после их пребывания в Троице-Сергиевом монастыре в августе 1689 г. Инициатива могла исходить как со стороны монастырских властей, так и со стороны членов царской семьи»²².

Необходимо отметить, что первый опыт иллюстрирования Жития преподобного Сергия был предпринят при создании Лицевого летописного свода, между 1568 и 1576 гг. Житие включено в Остермановский II том²³ в особой сокращенной редакции и иллюстрировано 77 миниатюрами. Данный лицевой список не рассматривается в нашем исследовании, так как он не является самостоятельным произведением²⁴, а входит в состав Лицевого летописного свода. Поскольку он создавался в рамках летописного повествования, то перед его создателями ставились иные цели, нежели перед создателями лицевых списков житий святых. В тексте и в иллюстрациях этого списка Жития сделан акцент именно на исторической роли преподобного Сергия и основанной им обители²⁵, что обособляет его среди прочих лицевых списков этого Жития. Как показали А. В. Арциховский, О. И. Подобедова и В. В. Морозов²⁶, его миниатюры не служили образцом для создания последующих лицевых списков и данный список стоит особняком в истории иллюстрирования Жития Сергия. Наиболее полно он проанализирован в монографии В. В. Морозова²⁷, посвященной Лицевому летописному своду.

Другой агиографический памятник, лицевые списки которого рассматриваются в нашей работе, – это **Житие Зосимы и Савватия Соловецких**.

Первый, самый ранний из известных лицевых списков этого Жития относится к концу 70–80-х гг. XVI в. Ныне он хранится в Егоровском собрании Российской государственной библиотеки (РГБ, собр. Егор., № 325). В науке за ним закрепилось название **Егоровский список**. Он содержит 54 миниатюры к первой части Жития, то есть иллюстрирование не доведено до конца. Рукопись в четвертую долю листа на 290 листах помимо Жития содержит службы Зосиме и Савватию. Миниатюры этого списка небольшого размера, от 4,7 × 4,2 см до 4,4 ×

¹⁹ Грабарь И. Э. Андрей Рублев: Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1918–1925 гг. // Вопросы реставрации: Сб. Центральных гос. Реставрационных мастерских. М., 1926. С. 73.

²⁰ Кузьмина В. Д. Древнерусские письменные источники об Андрее Рублеве // Андрей Рублев и его эпоха: Сб. статей под ред. М. В. Алпатов. М., 1971. С. 115.

²¹ Белоброва О. А. О лицевом списке Жития Сергия Радонежского в библиотеке Петра I... С. 91–100.

²² Там же. С. 252.

²³ НИОР БАН, 31. 7. 30–2, л. 379 об. – 435.

²⁴ См. выше критерии отбора материала для исследования.

²⁵ Неслучайно в этом лицевом списке О. И. Подобедовой подчеркивалась «светская трактовка сюжетов» (см.: Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 274).

²⁶ А. В. Арциховский считал, что автор миниатюр Троицкого списка Жития Сергия Радонежского «не копировал рисунки с древних подлинников, а составлял их заново» (см.: Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. Томск; М., 2004. С. 277); сопоставление миниатюр Жития Сергия Радонежского в составе Лицевого свода и Троицкого списка Жития, проводившееся О. И. Подобедовой и В. В. Морозовым, также показало их независимость (см.: Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей... С. 270–274; Морозов В. В. Миниатюры Жития Сергия Радонежского из Лицевого летописного свода XVI в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР за 1985 г. Л., 1987. С. 79).

²⁷ Морозов В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005. С. 171–183.

3,7 см, они расположены на полях, что встречается только в данной рукописи среди рассматриваемых нами лицевых памятников. Отличается она также сравнительно скромным внешним видом, мелким полууставным письмом, отсутствием золота в иллюстрациях, за исключением выходной миниатюры с изображением преподобных Зосимы и Савватия (л. 69 об.).

Эта рукопись почти не привлекала внимания исследователей, ее наиболее полное описание содержится в статье Г. В. Попова²⁸, в которой автор делает обзор всех известных лицевых списков Жития Зосимы и Савватия Соловецких. О Егоровском списке, данные о происхождении которого отсутствуют, ученый пишет следующее: «Можно полагать... что она (рукопись. — Н. Ю.) создавалась в Москве, так как автор ее небольших маргинальных миниатюр имеет явно столичную выучку. <...> Скорее всего, рукопись создавалась по заказу Соловецкой обители или кого-то из монастырских вкладчиков. <...> Но в монастырскую библиотеку рукопись так и не попала (определенную роль в этом могла сыграть именно незавершенность ее иллюстраций)»²⁹.

Житийный текст Егоровского списка относится к редакции, оканчивающейся на эпизоде об умершей и ожившей княгине. По классификации С. В. Минеевой³⁰, это III краткая редакция, II вариант.

Второй лицевой список Жития Зосимы и Савватия Соловецких относится к концу XVI в. Он был создан для царя Феодора Иоанновича. Ныне список хранится в собрании Вахrameева Рукописного отдела Государственного исторического музея (ГИМ, собр. Вахrameева, № 71) и известен в науке как *Вахrameевский*. Список содержит 229 парадных красочных миниатюр. Г. В. Попов обнаруживает «иконографическую общность» иллюстраций Егоровского и Вахrameевского списков, хотя количество и размеры миниатюр этих рукописей не совпадают, что сказалось, в частности, на степени подробности иллюстрирования текста. Между миниатюрами Егоровского и Вахrameевского списков можно констатировать лишь опосредованную иконографическую связь. Кроме того, миниатюры Вахrameевского списка отличаются парадностью, тщательностью исполнения и обильным использованием золота в изображениях; как отмечает Г. В. Попов, «изошренность оформителей Вахrameевской рукописи роднит их с представителями так называемой Строгановской школы».

Происхождение Вахrameевской рукописи, как и Троицкого списка Жития Сергия Радонежского, связывают с работой миниатюристов Кремлевской царской мастерской третьей четверти XVI в. Данный лицевой памятник введен в научный оборот; ученым значительно облегчает работу над ним его факсимильное издание 1986 г. с хорошим научно-справочным аппаратом³¹.

Третий лицевой список Жития Зосимы и Савватия датирован 1623 г. Ныне он находится в собрании Рукописного отдела Российской национальной библиотеки (РНБ, собр. Соловецкого монастыря, № 175/175). Он был создан в Москве, по заказу келаря Троице-Сергиева монастыря Александра Булатникова и затем вложен им в Соловецкий монастырь. По имени заказчика этот список известен в науке под названием *Булатниковского*. Большинство из его 235 миниатюр копируют миниатюры Вахrameевского списка, за исключением последних иллюстраций. Дело в том, что начиная с л. 204 текст Булатниковского списка и соответственно рисунки относятся к 1623–1624 гг., то есть добавлены описания новых чудес соловецких преподобных. На этом основании текст рукописи относится к другому варианту редакции: по клас-

²⁸ Попов Г. В. Книжная культура XVI века и художественное оформление «Повести о Зосиме и Савватии» // Повесть о Зосиме и Савватии: Кн. 2.: Научно-справочный аппарат. М., 1986. С. 73 – 103.

²⁹ Попов Г. В. Книжная культура XVI века и художественное оформление «Повести о Зосиме и Савватии» // Повесть о Зосиме и Савватии: Кн. 2.: Научно-справочный аппарат. М., 1986. С. 77.

³⁰ Минеева С. В. Рукописная традиция Жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. 1, 2.

³¹ Повесть о Зосиме и Савватии. Кн. 1: Факсимильное воспроизведение; Кн. 2: Научно-справочный аппарат, 1986.

сификации С. В. Минеевой, – к III варианту III краткой редакции. В целом же Булатниковский экземпляр создавался как довольно точная копия Вахрамеевского списка.

Известен также еще один, четвертый лицевой список Жития, так называемый «Сад спасения»³². Он датирован 1711 г., а из вкладной записи следует, что создавался он на Соловках по заказу монастыря. Иллюстраторы «Сада спасения», несомненно, пользовались Булатниковским списком, вложенным в монастырь, однако их миниатюры ни в коей мере не являются подражанием его миниатюрам. «В своем отношении к раннему образцу они выступают прежде всего с позиций иной культурно-художественной эпохи, воспринимая его лишь в качестве сюжетно-иконографического руководства. ...Миниатюры, созданные далекими Соловецкими мастерами, при всем их архаизме, можно лишь с оговоркой причислить к явлениям древнерусского искусства»³³, – таково мнение Г. В. Попова. «Сад спасения» является свидетельством продолжения традиции иллюстрирования Жития Зосимы и Савватия в XVIII в., но уже в рамках новой эстетики. Поскольку его миниатюры не могут быть отнесены по своей стилистике и художественным приемам к памятникам *древнерусского* (допетровского) искусства, то мы не включаем этот лицевой список в наше рассмотрение.

Третий агиографический памятник, лицевые списки которого мы подвергаем исследованию, – это **Житие Антония Сийского**. Его первый лицевой список датирован 1648 г. на основании частично смытой записи на книге: «Сия глаголемая житие преподобного отца нашего Антония Сийского отдана... Феодосия... написана во 156-м [1648] году». Это рукопись из библиотеки Антониево-Сийского монастыря, ныне она хранится в Рукописном отделе Государственного Исторического музея (ГИМ, собр. Щукина, № 107/750).

По нашим подсчетам рукопись содержит 131 красочную миниатюру, сопровождающую текст Жития³⁴. Ее пожертвовал в Сийский монастырь игумен Феодосий, о котором, в частности, известно, что он был иконописцем. В связи с этим существует предположение, что он и является автором миниатюр Жития³⁵.

В стилистике миниатюр уже чувствуются веяния нового времени (например, несвойственные иконописи попытки изображения интерьеров), но их все же можно еще отнести к древнерусской традиции. Их содержательную ценность высоко оценил в свое время А. В. Арциховский и посвятил им отдельную главу в книге «Древнерусские миниатюры как исторический источник»³⁶. Как показали результаты фундаментального текстологического исследования Жития Антония Сийского Е. А. Рыжовой³⁷, рассматриваемый список содержит текст редакции Ионы (с 16 чудесами).

Второй рассматриваемый нами лицевой список Жития Антония Сийского датируется XVIII в.: филигранные его листов указывают на 1779 и 1780 гг.³⁸ Несмотря на свое позднее происхождение, он включен в наше исследование, поскольку создавался как копия списка 1648 г., причем с *сохранением* основных стилистических особенностей образца. Лицевой список XVIII в. находится ныне в Отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук (РО БАН, собр. Археол. ин-та, № 56). Он содержит 130 миниатюр в красках. Специальных иссле-

³² Государственная Оружейная палата Московского Кремля, инв. № ПОР 2816.

³³ Попов Г. В. Книжная культура XVI века... Кн.2. С. 74.

³⁴ По подсчетам А. В. Арциховского, «миниатюр в ней сто пятьдесят одна» (Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник... С. 277).

³⁵ См.: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 108–109.

³⁶ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник... С. 277–286.

³⁷ Рыжова Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского. Книжные центры Русского Севера. Сыктывкар, 2000. С. 39.

³⁸ См. описание рукописи: Там же. С. 208.

дований этого списка и его миниатюр до сих пор не проводилось; его текст относится к редакции Ионы (с 16 чудесами)³⁹.

Оба рассматриваемых списка Жития Антония Сийского не имеют каких-либо закрепившихся в науке наименований, поэтому в нашей работе мы обозначим их соответственно как *Старший* и *Младший* лицевые списки Жития Антония Сийского (в сокращенном же виде они будут обозначаться как Сп. 1 и Сп. 2).

Еще один лицевой памятник древнерусской книжности, привлеченный нами к исследованию, Новгородский лицевой сборник первой половины XVII в., находится в Дрвлекхранилище Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН, собр. Каликина, № 35). Он содержит жития трех новгородских святых – Варлаама Хутынского, Антония Римлянина и Михаила Клопского. Два из них – жития **Варлаама Хутынского** (л. 62–152) и **Михаила Клопского** (л. 305–355) – сопровождаются циклами миниатюр. Житие Антония Римлянина по каким-то причинам проиллюстрировано не было, хотя для миниатюр в тексте оставлены места. Текст Жития Варлаама Хутынского в этой рукописи, по данным текстологических исследований Л. А. Дмитриева, относится к распространенной редакции, II вид, I группа⁴⁰. Его сопровождают 38 миниатюр. Житие Михаила Клопского⁴¹ иллюстрируют 23 миниатюры. К изучению миниатюр этой рукописи обращалась Л. Д. Лихачева⁴².

Стилистика иллюстраций *Новгородского сборника* позволяет утверждать, что они созданы в древнерусской традиции, поэтому эта рукопись XVII в. входит в наше рассмотрение.

Итак, в качестве источников в наше рассмотрение вошли восемь лицевых рукописных памятников конца XVI – второй половины XVIII вв., содержащих жития семи русских преподобных: Сергия Радонежского (в двух списках), Зосимы и Савватия Соловецких (в трех списках), Антония Сийского (в двух списках), Варлаама Хутынского и Михаила Клопского (в одном списке). Именно они полностью соответствуют установленным нами критериям отбора материала для данного исследования.

Для настоящего исследования потребовалась разработка новой *методики предварительного изучения материала*. Она позволила сделать то, чего не предпринималось еще в других исследованиях, а именно: максимально подробно проанализировать *соотношение текста и иллюстраций* в лицевых списках. Суть этой методики заключается в следующем алгоритме действий.

Работа над каждой из восьми рукописей начиналась с общего описания, предполагающего в данном случае характеристику ее внешнего вида, состава и особенностей художественного оформления. После общего описания рукописи каждая ее миниатюра описывалась и анализировалась по определенной схеме. Сначала выписывается фрагмент (или фрагменты) текста⁴³, иллюстрированные данной миниатюрой, так как миниатюра чаще всего иллюстрирует не весь отрывок, рядом с которым она располагается. Причем иногда встречаются многосюжетные миниатюры (особенно часто – в лицевых списках Жития Сергия Радонежского и Жития Зосимы и Савватия Соловецких), содержащие в себе сразу несколько изображений, иллюстрирующих разные фрагменты текста. В таких случаях выписываемый текст разбивается на пронумерованные отрывки, проиллюстрированные в данной многосюжетной миниатюре.

³⁹ Там же. С. 40.

⁴⁰ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973.

⁴¹ В кн. «Повести о житии Михаила Клопского» (Подг. текстов и ст. Л. А. Дмитриева; М.; Л., 1958) рассматриваемый список Жития Михаила Клопского не учтен (см. с. 6 – 12).

⁴² Лихачева Л. Д. Миниатюристи – читатели новгородских литературных произведений // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 335–341.

⁴³ Текст передается по рукописи в соответствии с правилами, принятыми для «Трудов Отдела древнерусской литературы» (ТОДРЛ).

Составляется также схема миниатюры, в которой все сюжеты пронумерованы в соответствии с нумерацией выписанных фрагментов текста жития. Именно это позволило максимально точно установить и зафиксировать *соответствие текста и иллюстрирующего его изображения*.

Каждая миниатюра или каждый фрагмент многосюжетной миниатюры описывался по следующим параметрам:

- а) расположение фигур персонажей,
- б) жесты и позы персонажей,
- в) цвет и другие значимые особенности одежд персонажей (если есть),
- г) характеристика фона (пейзажного, архитектурного, «интерьерного»),
- д) другие значимые детали изображения.

В результате такого подробного описания и соотнесения текста и иллюстрации стал возможен первоначальный анализ степени соответствия изображения тексту, вследствие которого нередко выявлялись имеющиеся *несоответствия* между указаниями текста и деталями иллюстрации. Уже на этом предварительном этапе исследования предпринималась попытка объяснения этих несоответствий с точки зрения содержания и поэтики, а также по возможности выделялись и осмыслялись акценты, расставленные миниатюристом в передаче им житийных событий.

Наблюдения и замечания, сделанные на этом первоначальном этапе анализа, фиксировались и затем использовались в дальнейшем исследовании.

На следующем этапе проводилось сопоставление миниатюр разных списков одного жития. При наличии других лицевых списков рассматриваемого произведения и при наличии технической возможности (списки житий находятся в разных книгохранилищах) сравнивались миниатюры разных списков. Уточним, что такая возможность была при работе с Житием Сергия Радонежского (Петровский список сравнивался с Троицким) и Житием Зосимы и Савватия Соловецких (Булатниковский список сравнивался с Вахрамеевским). Это обусловлено тем, что Троицкий список Жития Сергия Радонежского и Вахрамеевский список Жития Зосимы и Савватия были изданы, и сопоставление миниатюр проводилось между рукописью одного списка и изданием рукописи другого. Обнаруженные различия в композиции и деталях миниатюр разных списков сразу фиксировались. При невозможности синхронного сопоставления списков с миниатюр делались цветные рисунки от руки (прежде всего это касается неизданных лицевых списков Жития Антония Сийского), которые затем сравнивались с миниатюрами рукописи, находящейся в другом книгохранилище (некоторые из этих рисунков вошли в состав иллюстраций к данной книге).

Еще раз подчеркнем, что наблюдения и выводы, изложенные в работе, основаны на вышеописанном предварительном анализе *каждой миниатюры всех исследуемых рукописей*. Проведенный анализ позволяет рассмотреть изображения в непосредственном *взаимодействии* с иллюстрируемым текстом. В результате представилась возможность выявить и *систематизировать* различные приемы, которыми пользовались древнерусские миниатюристы для передачи тех или иных житийных ситуаций, характеристик героев, содержания их речи и т. д. Подробное сопоставление рукописей позволило также изучить характерные различия между миниатюрами лицевых списков одного и того же жития. Кроме того, следование изложенной схеме анализа миниатюр свело к минимуму возможность ошибок в трактовке сюжета того или иного изображения, так как иллюстрация описывалась и анализировалась в теснейшем взаимодействии с текстом. Примером такой ошибки может служить сюжетное описание одной из миниатюр Вахрамеевского списка Жития Зосимы и Савватия Соловецких, сделанное к факсимильному изданию рукописи. Содержание миниатюр на л. 6 об. – 7 об., иллюстрирующих повествование Жития о желании преподобного Савватия уединиться и бежать от славы и почитания его монахами Валаамского монастыря, раскрывается в описании как «нарастающий

конфликт» Савватия с братией, «осуждение монастырской братией» трудов преподобного⁴⁴. Тогда как в тексте Жития, иллюстрируемом этими миниатюрами, ясно говорится, что Савватий «любим бе всеми» (Вахр. сп., л. 6 об.), «И внят же слухом блаженный Савватие словеса сия (похвалы от братии. – Н. Ю.)... и помышляше в себе: лучши ми есть отлучитися...» (л. 7 об.) и пр. При подробном сопоставлении каждой детали изображения с точным содержанием соответствующего отрывка текста такого рода ошибки практически исключаются.

Ради краткости и удобства для обозначения расположения идентичных миниатюр из разных лицевых списков одного и того же жития в настоящей работе указываются листы этих рукописей через косую черту, например: л. 44 об./59 об. Причем первый номер листа относится к более ранней рукописи, а второй – к более поздней.

Все выделения курсивом, сделанные в цитируемых текстах рукописей, принадлежат нам.

Следует специально оговорить, что в исследовании употребляется условное собирательное название автора иллюстраций – «иллюстратор» или «миниатюрист». То есть в данном случае не проводится границы между заказчиком, редактором и исполнителем миниатюр, каждый из которых мог внести свой вклад в идейную и художественную разработку иллюстраций. Для нас также непринципиально различие рук разных мастеров-миниатюристов, работавших над одной рукописью. Мы исследуем общие приемы и тенденции в иллюстрировании древнерусских книг.

Большая благодарность сотрудникам Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук, в недрах которого рождалось исследование, представляемое теперь на суд читателя. Отдельное спасибо следует сказать сотрудникам рукописных отделов Библиотеки академии наук, Российской национальной библиотеки (прежде всего ныне покойному заведующему Рукописным отделом В. М. Загребину), Российской государственной библиотеки, Государственного исторического музея и Древлехранилища Пушкинского Дома за предоставление возможности долгое время работать с ценнейшими лицевыми рукописями. Особую благодарность приносим всем, кто рецензировал сей научный труд, давал ценные советы и делал замечания по ходу работы над книгой: О. А. Белобровой, О. В. Панченко, Т. Р. Руди, О. Б. Сокуровой, М. В. Рождественской, Н. В. Савельевой, Ю. А. Грибову и др. Благодарим также Д. Э. Ивкова за помощь в подготовке иллюстраций. Главная же благодарность – учителю Глебу Валентиновичу Маркелову.

⁴⁴ См.: Описание миниатюр // Повесть о Зосиме и Савватии: Научно-справочный аппарат. М., 1986. С. 109.

Глава 1

Поэтика древнерусской иллюстрации. Соотношение литературного текста и иллюстраций в лицевых списках древнерусских житий

Загадка соотношения литературного текста и изображения, наверно, до конца неразрешима. Каким образом в сознании читателя иллюстрированной книги происходит связь вербального и визуального ряда? Какие механизмы использует иллюстратор для того, чтобы адекватно перевести словесный текст в зримый образ? Эти вопросы особенно актуально встают перед исследователем древнерусской рукописной книги, ибо, как заметил Д. С. Лихачев, «слово и изображение были в Древней Руси связаны теснее, чем в новое время. И это накладывало свой отпечаток и на литературу, и на изобразительные искусства. Взаимопроникновение – факт их внутренней структуры»⁴⁵. Отсюда следует, что анализ соотношения древнерусского литературного текста и иллюстраций к нему целесообразно проводить на основе изучения их «внутренней структуры», а именно – композиционного построения и других художественных средств, использовавшихся древнерусскими книжниками – писателем-агиографом и иллюстратором. По словам Д. С. Лихачева, «сближения между искусствами и изучение их расхождений между собой позволяют вскрыть такие закономерности и такие факты, которые оставались бы для нас скрытыми, если бы мы изучали каждое искусство (и в том числе литературу) изолированно друг от друга»⁴⁶. Воспользуемся этим заключением Д. С. Лихачева и попробуем вскрыть прежде сокрытые закономерности.

⁴⁵ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы... С. 22.

⁴⁶ Там же. С. 29.

§ 1. Принципы композиционного построения в тексте и миниатюрах

Для того чтобы понять принципы композиционного построения лицевого списка жития, обратим внимание на то, с чего он начинается, то есть с чего начинается его восприятие читателем. Как правило, лицевой список жития открывается т. н. выходной миниатюрой, на которой изображен святой и которая располагается перед названием жития (*илл. 1*). Это может быть оплечное, поясное или ростовое изображение святого. В рассматриваемых рукописях на выходных миниатюрах преподобные везде представлены в рост, обычно с благословляющим жестом или в молитвенной позе⁴⁷. Такие изображения выделяются среди прочих иллюстраций лицевых списков некоторыми формальными признаками: они отличаются особенной тщательностью в исполнении, украшенностью, сравнительно обильным применением золота, специальным обрамлением. Иконография этих изображений также имеет принципиальные отличия от сюжетных миниатюр: на них святой представлен не в той или иной житийной ситуации, но в некоем вневременном пространстве, в вечности – как на иконе. Действительно, выходная миниатюра представляет собой *икону* святого, чье житие излагается на последующих листах рукописи. Есть некоторые косвенные данные, позволяющие судить о том, что древнерусские читатели лицевых рукописей воспринимали такое изображение именно как икону и совершали перед ней молитву. В качестве наиболее яркого примера можно привести выходные миниатюры из лицевого списка Жития Зосимы и Савватия Соловецких конца XVII в. из собрания Щукина ГИМ⁴⁸. Эта рукопись содержит всего 4 миниатюры, и все они являются выходными: две – перед Службами преподобному Савватию⁴⁹ и преподобному Зосиме⁵⁰ и две – перед их Житиями⁵¹. Святые представлены на них в рост, в молитвенных позах. Здесь стоит обратить внимание на характерное повреждение живописного слоя, особенно заметного на последней миниатюре (л. 139 об.). На изображении подола рясы преподобного Зосимы красочный слой и даже сама бумага вытерты до дыр. Вероятнее всего, это результат неоднократного прикладывания к изображению святого как к иконе перед чтением его Жития.

Итак, выходная миниатюра – это икона: и по своим формальным признакам, и по своей сакральной функции. Она выделяется из общей повествовательной ткани лицевого жития и является самостоятельной композиционной единицей.

⁴⁷ Так, Сергей Радонежский на выходной миниатюре обоих лицевых списков изображен прямолично, его правая рука сложена в благословляющем жесте, а в левой руке он держит развернутый свиток. В Троицком списке на свитке читается следующий текст: «Не скорбите убо, братие, но по сему разумеите...», а в Петровском списке: «Терпите, братия, скорби и беды, да тем можете...». Фон этой миниатюры выполнен золотом, обильные пробелы на одежде Сергея также написаны золотом. Выходная миниатюра к Житию Зосимы и Савватия в Вахрамеевском списке утрачена; о ней мы можем судить по выходной миниатюре Булатниковского списка. В Егоровском и Булатниковском списках на выходной миниатюре оба преподобных изображены стоящими друг напротив друга в молитвенных позах. В Егоровском списке над ними в сегменте неба изображен Иисус Христос, благословляющий их обеими руками. Нимбы написаны золотом. Выходная миниатюра в этом списке обрамлена архитектурно-растительной рамкой с фигурным верхом в виде кокошника. В Булатниковском списке над преподобными изображена в круглой мандорле Богородица «Знамение». Эту миниатюру отличает великолепное личное письмо в технике вохрения; золотые нимбы по ободу украшены узорами; золотом подписаны имена преподобных: «Агиос Зосима» и «Агиос Саватий». Миниатюра обрамлена неширокой цветочной рамкой. К Житию Антония Сийского выходная миниатюра есть только в Старшем из двух списков. Она также расположена в цветочной рамке с фигурным навершием, на ней изображен преподобный Антоний в молитвенной позе. На соседнем листе в сегменте неба изображена Святая Троица в виде трех ангелов, которой и предстоит святой. Выходная миниатюра написана особенно тщательно, личное письмо проработано в технике вохрения. Золотом написан нимб святого, а также сделана надпись: «Преподобный Антоний Сийский Чюдотворец». В Новгородском сборнике выходные миниатюры отсутствуют.

⁴⁸ Житие и службы Зосимы и Савватия Соловецких, конец XVII в., в лист, 418 л. (ГИМ, собр. Щукина, № 539).

⁴⁹ Там же, л. 10 об.

⁵⁰ Там же, л. 46 об.

⁵¹ Там же, л. 107 об., 139 об.

Обратимся теперь к особенностям композиционного построения словесного текста. Сам текст жития в древнерусских рукописях, как правило, включает в себя не только жизнеописание святого и описание его посмертных чудес, но и Похвальное слово святому, которое является отдельной композиционной частью жития. В лицевых списках Похвальное слово, в отличие от остальной части жития, не сопровождается иллюстрациями, как не сопровождается ими служба святому, которая также может быть включена в рукопись. Однако в композиционном строе миниатюр лицевого списка можно обнаружить своеобразную изобразительную параллель Похвальному слову. Это изображение не является его иллюстрацией, но соответствует ему по смыслу. Мы имеем в виду выходную миниатюру, которая размещается перед началом жития. Опираясь на приведенный выше тезис о тесной взаимосвязи слова и изображения в книжности Древней Руси, проведем сопоставительный анализ Похвального слова и выходной миниатюры в контексте композиции лицевого списка жития.

Во-первых, в Похвальном слове тому или иному преподобному перечисляются те добродетели, которые можно было бы отнести почти ко всем преподобным⁵²: «...Той бо из младенства Бога паче всех от всея души возлюбил есть и небесное царство паче всего мира избрал есть, того ради до конца и крепко всех мира сего отрешися, и невозвратным помыслом потече вослед Бога...»⁵³ и т. п. В выходной миниатюре, как и в иконе, используется набор иконографических деталей, которые позволяют распознать в изображенном его принадлежность к определенному лику, в данном случае – к лику преподобных. Прежде всего это одежды святого: монашеская ряса, мантия, куколь. Они являются иконографическими константами всех преподобных и относятся к доличному письму. По аналогии с иконописью те слова похвалы преподобному, которые относятся ко всем преподобным вообще, можно условно назвать «доличным письмом».

Во-вторых, в Похвальном слове встречаются также описания некоторых «портретных», индивидуальных черт святого, когда в тексте перечисляются добродетели именно этого преподобного: «Радуйся, боголюбезный ѿче, – говорится, например, об Антонии Сийском, – яко и образом жития твоего, и риз многошвением, и умилением нрава, и кротости обычая многих душа ко спасению приведе...»⁵⁴. Стремление к своего рода «портретности» наблюдается и в иконописи, когда в личном письме передаются характерные признаки святого: это цвет и расположение волос и, особенно, борода⁵⁵. Как личное письмо выходной миниатюры несет в себе информацию о личных чертах того или иного святого, так же и фрагменты текста, в которых описываются личные свойства святого, можно рассматривать как словесную форму личного письма.

В-третьих, в Похвальном слове содержатся частые упоминания о молитвенных подвигах святого: «...в постех и молитвах просия, яко солнце»⁵⁶, «...в слезах и молитвах жизнь свою скончал еси...»⁵⁷; а главным образом – просьбы к преподобному о его молитвенном заступлении: «О всеблаженне преподобне отче наш Антоние, молимся тебе, яко отцу чадолюбиву, испроси нам милость у Живоначальные Троицы и прощение от грехов моих, страстей облак

⁵² См. подробнее об этом: Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных... С. 431–500.

⁵³ Рыжова Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского... С. 330.

⁵⁴ Рыжова Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского... С. 336.

⁵⁵ В иконописных подлинниках форма, длина и цвет бороды были основными отличительными особенностями того или иного святого при описании его иконографии (см.: Маркелов Г. В. Святые Древней Руси: Материалы по иконографии (прорисы и переводы, иконописные подлинники). Т. 2: Святые Древней Руси в иконописных подлинниках XVII–XIX веков: Свод описаний. СПб., 1998: «...Сходство обликов определялось в тексте (иконаписных подлинников. – Н. Ю.) отсылкой, когда отмечался либо облик прототипа в целом, либо его конкретная наиболее выразительная (для мужского лица) деталь, а именно борода» (С. 7–8).

⁵⁶ Рыжова Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского... С. 334.

⁵⁷ Там же. С. 337.

молитвами твоими отжени от мене...»⁵⁸ и т. д. Этот факт тоже имеет соответствия в иконописных изображениях святых на выходных миниатюрах: как отмечалось выше, преподобные на них всегда изображены молящимися или благословляющими.

В-четвертых, в Похвальном слове говорится также о нынешней молитве братии монастыря к преподобному: «Гроб его у нас и пред нами есть, к нему же верою по всегда притекающе, велико утешение душам нашим приемлем и от сего зело пользуемся» (Житие Сергия Радонежского)⁵⁹; «...И сего ради... всечестную раку его всегда обступающе, любезне припадающе к цельбоносному его гробу, и со слезами вопием к нему, яко отцу чадолюбивому: О всеблаженне преподобне отче наш чудотворче...» (Житие Антония Сийского)⁶⁰, и далее в Слове содержится собственно молитва преподобному. Причем молитва святому встречается в Похвальном слове неоднократно, в том числе может быть приведено акафистное пение с рефреном «Радуйся...». По сути, все Похвальное слово в целом – и по его форме, и по его основному содержанию – может рассматриваться как пространная молитва святому с похвалой и перечислением его подвигов и чудес. Мы уже обращали внимание на то, что выходная миниатюра является иконой, то есть молитвенным образом. Перед ней предполагается молитва читателя лицевого списка, как молитвой является и Похвальное слово.

Из сказанного можно сделать вывод, что художественные особенности и сакральные функции выходной миниатюры и Похвального слова (то же, кстати, можно сказать и о Службе святому, если она содержится в данной лицевой рукописи) сопоставимы между собой и фактически *совпадают*.

Рассмотрим теперь их композиционную функцию. Выходная миниатюра располагается перед началом жития, она является *изобразительной частью заглавия*: житие святого открывается его иконой. Заканчивается же оно, как правило, Похвальным словом. Таким образом, выходная миниатюра и Похвальное слово обрамляют житие, образуя «рамки» художественного текста. Как отмечает Б. А. Успенский, в отношении композиции «...чрезвычайную важность приобретает процесс *перехода* от мира реального к миру изображаемому, то есть проблема специальной организации „рамки“ художественного произведения»⁶¹.

Итак, композиционной функцией выходной миниатюры и Похвального слова является создание «рамки» художественного произведения, отделение «знакового» мира от «повседневного»⁶²

⁵⁸ Там же. С. 334.

⁵⁹ Петровский сп., л. 2 об.

⁶⁰ Сп. 1, л. 446 об. – 447.

⁶¹ Успенский Б. А. Поэтика композиции // Успенский Б. А. Семиотика искусства. М., 1995. С. 174.

⁶² Там же. С. 175.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.